

© 2009 г. К.Т. ГАДИЛИЯ

# **КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЗАПАДНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Регулярное использование артикля в одних и тех же синтаксических условиях способствует его позиционной закреплённости и дальнейшей формализации его основных функций. В статье описаны те маркеры (морфологические средства), которые с одной стороны, принадлежат к категории определенности и неопределённости (артикли, падежные показатели и др.), а с другой стороны, маркируют субъект действия (подлежащее, агенс) и объект воздействия (прямое дополнение, пациенс) предложения. В статье рассматриваются простые изолированные двусоставные и (реже) трехсоставные предложения персидского, таджикского, дари, гилянского и белуджского языков.

## **ВВЕДЕНИЕ**

Статья посвящается аргументной (актантной) структуре предложения и особенностям ее корреляции с инновационной категорией определенности и неопределённости в иранских языках. В группу иранских языков входит более пятидесяти письменных, младописьменных и бесписьменных современных языков, а также ряд вышедших из употребления древних и среднеиранских языков. В данной статье мы привлекаем определённую выборку, достаточно узкую по своему составу, из группы современных западноиранских языков, что обуславливается двумя основными соображениями. Во-первых, считаем нецелесообразным охват всего многообразия иранского языкового массива в рамках одной статьи. Во-вторых, в настоящей статье мы стараемся учитывать те диахронные явления, которые обусловили наличие типологически общих признаков, являющихся наиболее очевидными для группы западноиранских языков.

Для понимания природы соотношения аргументно-предикатной структуры предложения и категории определенности и неопределённости в иранских языках в статье мы попытаемся рассмотреть некоторые языки западной группы (а) северо-западные гилянский и белуджский языки и (б) юго-западные персидский и близкородственные дари и таджикский языки.

Белуджский язык географически отдален от основного массива северо-западных языков, распространен в Пакистане, Афганистане, Иране и в Туркменистане. Из двух основных групп диалектов – западной и восточной – наиболее изученным является западный диалект [Мошкало 1999: 28]. Белуджский язык относится к языкам номинативно-эргативного строя, – номинативность в языке преобладает, а эргативность проявляется в формах переходного глагола лишь в прошедшем времени [Там же: 53]. Как отмечает В.В. Мошкало [Там же: 53], эргативная конструкция постепенно разрушается, а в языке белуджей Туркменистана она вовсе исчезла. В статье внимание сфокусировано на номинативных конструкциях.

Гилянский язык относится к языкам так называемого прикаспийского региона. Диалектное членение пока окончательно не установлено, но известно, что письменный гилянский ориентирован на рештский диалект, и, следовательно, он наиболее хорошо описан [Расторгуева 1999: 113].

На современном этапе развития дари, таджикский и персидский языки рассматриваются в качестве близкородственных языков, языком-предком которых является язык

классической персидско-таджикской литературы [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982: 10], служивший основой литературного языка на протяжении тысячелетия на огромной территории Ирана, Афганистана и Средней Азии. Постепенно стали обнаруживаться различия в разговорной речи, влияние диалектов и местных особенностей привели к тому, что расхождения между близкородственными языками стали носить системный характер.

Выборка языков проводилась по следующим дополнительным параметрам:

**А.** Тип языка. Рассматриваемые языки представляют собой смешанный флективно-аналитический тип с элементами агглютинации (флексия в основном характерна для системы глагола), с вторичной системой падежа (гилянский, белуджский) и беспадёжные (персидский, дари, таджикский).

**Б.** Строй предложения. Языки со свободным порядком слов, но с базовым SOV. В статье рассматриваются изолированные простые повествовательные предложения номинативного (аккузативного) строя западноиранских языков. Эргативные конструкции белуджского языка в статье не рассматриваются.

**В.** Набор грамматических категорий имени существительного: категория числа и категория определенности и неопределенности, или, как принято в отечественной иранистике, категория выделенности<sup>1</sup>.

**Г.** Наличие диахронически обусловленных, глубинно сходных языковых показателей косвенного падежа и послелога *-ra*<sup>2</sup>.

**Д.** Функциональное сходство грамматических показателей аргументов (актантов): нулевой показатель Ø, показатель косвенных падежей, послелог-артикл *-ra* и их корреляция с категорией определенности и неопределенности.

#### **ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНАЯ (АКТАНТНАЯ) СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Как в статье понимается аргументная структура? Аргумент – это составляющие предложения, которых требует предикат, и обычно выражаются в предикации как имена существительные или местоименные клаузы. С синтаксической точки зрения, аргументы соответствуют таким (главным) членам предложения, как субъект (подлежащее, агенс) и объект (прямое и/или косвенное дополнение, пациенс). Предикат указывает (обозначает) особенности денотата (таких, как одушевленность/неодушевленность, лицо/нелицо) и его корреляции с составляющими, без специального предоставления данных о самом субъекте. Предикат не может предоставлять любую информацию о субъекте, а лишь указывает на признак предмета, на состояние предмета и, наконец, на его отношение к другим предметам (объекты). Особенность аргументно-предикативной структуры зависит от совокупности ряда факторов:

- а) структурно-типологические свойства языка;
- б) особенности порядка слов в предложении;
- в) особенности категории падежа (если в языке есть эта категория), т.е. какой падеж (или какой формальный маркер) приписывается аргументу предикатом;
- г) наличие спецификаторов (набор формальных средств);
- д) лексические свойства глагола (предиката), т.е. тип связи или отношений между *n* предметами.

---

<sup>1</sup> Термин «выделительный» в отечественной иранистике ввел Ю.А. Рубинчик [1959], показав специфику артикля в персидском и невозможность применения для его описания общепринятых терминов «определенность/неопределенность». Этот термин получил широкое распространение, используется, в основном, наряду с термином «неопределенный» в качестве синонима.

<sup>2</sup> Здесь и далее, когда послелог упоминается относительно нескольких языков, мы используем условное обозначение «*ra*» без диакритики, так как в разных иранских языках послелог имеет разное звучание.

Семантическая структура предложения формируется в результате нерасчлененного или расчлененного языкового кодирования структуры предметной ситуации. При нерасчлененном кодировании ситуация выражается с помощью одного языкового элемента, т.е. означаемое предложение состоит из одного или нескольких компонентов, реализующих и предметный, и признаковый образы. При расчлененном кодировании структура ситуации отражается в семантической структуре предложения в виде одного или нескольких актантных (предметных) и признакового компонентов.

### **КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Категория определенности и неопределенности относится к числу понятийных, точнее, к разряду функционально-семантических категорий, в том смысле, что в качестве выражения этой категории могут выступать различные граммы грамматических категорий. Кроме артикля, общепринятого грамматического показателя данной категории, определенность и неопределенность морфологически, синтаксически и семантически выражается разнообразными языковыми средствами, такими как дейктические элементы (демонстративы), числительное «один», показатели падежа, ударение (просодика) и др. Совершенно очевидно, что вышеперечисленные способы выражения определенности и неопределенности имеют разный грамматический (морфосинтаксический) и лексико-семантический статус. Следовательно, артикль не является единственным грамматическим элементом, маркирующим категорию определенности и неопределенности, но он единственная грамма – ядро данной категории – кодирующее соответствующее грамматическое значение.

Мы считаем, что самое общее и самое адекватное определение артикля, подходящее для описания артикля в контексте иранских языков, принадлежит В. Колинсону в монографии «Indication», уже давно ставшей лингвистической классикой [Collinson 1937: 21–25]. Он предлагает рассматривать этот грамматический элемент в качестве индикатора, который указывает на представителя или представителей класса предметов. Таким образом, определенный артикль может называться «классификатором или показателем определенности» и неопределенный артикль – «классификатором или показателем неопределенности» соответственно. Классификатор или показатель неопределенности показывает на предмет, направляя внимание внутри класса, без какого-либо последующего уточнения, в то время, как классификатор или показатель определенности указывает на представителя класса (или группу предметов), направляя внимание на него в данном контексте.

Как известно, категория определенности и неопределенности находится в тесной связи с глагольной системой, модальностью и отрицанием, а также с категорией падежа и семантической (прагматической) структурой предложения. Кстати, именно это последнее (доминантность прагматического составляющего) является весьма ярким свойством артикля и артиклевых элементов в иранских языках. В иранских языках категория определенности и неопределенности (и соответственно, артикль, как грамматический маркер этой категории) является инновационной категорией, которая появилась после стирания флективной многопадежной синтетической системы в древнеиранских языках. Динамика возникновения и развития категории определенности и неопределенности, начиная со среднеперсидской эпохи, наиболее полным образом прослеживается в персидском языке.

Востоочноиранская ветвь иранских языков претерпела сходные преобразования, но в этой группе процессы имели несколько иной, отличный от западноиранских языков, характер. Поэтому все оценки, высказанные в данной статье, на данном этапе анализа, верны для западноиранских языков. После стирания древнеиранской флективной системы в иранских языках произошли значительные структурные и системные изменения. Доминантный базовый древнеиранский порядок слов предложения SOV сохраняется, но усилились аналитические отношения, появились элементы агглютинации.

В данной статье мы кратко остановимся на отдельных моментах формирования категории определенности и неопределенности, формирования граммем – показателей (1), а также более подробно – на основных вехах трансформации послелога *\*rādi* и его постепенном вхождении в зону действия этой категории (2).

(1) Общеизвестно, что формирование категории определенности и неопределенности, в основном, реализуется посредством грамматикализации таких лексических и служебных слов как числительное «один» и указательное местоимение, которые постепенно теряют лексическую прозрачность и становятся граммемами.

Вследствие грамматикализации среднеперсидского числительного «один» *-ēv*, в персидском, таджикском и дари языках появляется выделительный артикль *-î* (*doxtar-î* «какая-то одна девушка» (перс.)), *-ē* (*doxtar- ē* «какая-то одна девушка» (дари)), *-e* (духтар-е «какая-то одна девушка» (тадж.)). Он представляет собой четко оформленную постпозитивную, энклитическую, безударную, несамостоятельную, односложную, морфему с элементами агглютинации, и, наконец, одновременно является показателем субстантивности.

(2) Послелог *-rā* в современном персидском языке является результатом семантической и функциональной трансформации элемента *rādiy* (классич. перс. *rā-* < ср.-перс., позд.-перс. *rāy*, ран.-перс. *rād* (*l'd*, ман. *r'y*) < др.-перс. *rādiy*) «ради, из-за», вследствие которой произошла полная элиминация прозрачности содержательного плана и появление языкового элемента, статус которого является предметом спора среди иранистов.

Процесс грамматикализации *rādiy* достаточно длительный. Еще в классическом персидском он сохраняет широкий спектр функций: 1) обозначает прямой объект; 2) обозначает косвенный объект различных видов: а) адресат действия; б) направление действия (к кому-либо); в) обозначение лица, к которому пришло какое-либо чувство, намерение, желание; г) лицо, которому что-то подобает, приличествует, нужно; д) лицо, которому что-либо принадлежит; 3) обозначает обстоятельства цели, причины, времени.

В гилянском и белуджском показатель вин.-дат. падежа *-ā* очевидно послеложного характера (ср. тадж. *-a*, как вариант *-ro*) происходит от древнеиранского *\*-rādi*.

Таким образом, древнеиранский *\*-rādi* преобразовался в раннегилянском и в раннебелуджском в элемент, аналогичный по функции к семантике среднеперсидского *-rāy* – агглютинативный показатель винительно-дательного/объектного падежа *-ə*, *-a* (гилянский) и *-ā* (белуджский), став показателем вторичной агглютинативной системы падежа, с одной стороны. С другой стороны, он стал определенным членом инновационной категории определенности vs. неопределенности (персидский, таджикский, дари). Процесс, начавшийся в среднеиранский период, завершился появлением двух, в определенном смысле взаимосвязанных инновационных категорий: категории определенности с грамматическим маркером – артикль (языки, в которых падежная система полностью элиминирована – персидский, таджикский, дари и др.) и вторичной агглютинативной падежной системой (гилянский, белуджский и др.).

Появление инновационных категорий определенности/неопределенности и вторичной падежной системы в иранских языках вызвало не только преобразование синтаксического типа предложения, но и способов выражения семантических ролей – агенса и пациенса. Как следствие этих процессов, в современных западноиранских языках отдельные инновационные грамматические элементы взяли на себя не только такие новые морфосинтаксические функции, как обозначение актантов (подлежащее, прямое и непрямое (косвенное) дополнение), но стали соотноситься с другой инновационной категорией определенности. Таким образом, значение определенности и его формальные грамлемы стали участвовать в регулировании синтаксической структуры предложения.

#### КОРРЕЛЯЦИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И АРГУМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ

Роль категории определенности среди грамматических средств, отвечающих за установление грамматических связей в предложении в рассматриваемых иранских языках представляется следующим образом.

Агенс<sup>Indef, Def</sup> → неопределенный, определенный:  
перс., дари, тадж. – маркируется местом в предложении;  
бел., гил. – номинативный падеж.

Пациенс<sup>Indef</sup> (прямое дополнение) → неопределенный:  
перс., дари, тадж. – неопределенный артикль *-î, -ê, -e*, нулевой маркер;  
бел., гил. – номинативный падеж.

Пациенс<sup>Def</sup> (прямое дополнение) → определенный:  
перс., дари, тадж. – послелог *-râ, -râ, -rô*, нулевой маркер;  
бел., гил. – объектный, косвенный падеж.

Как видим, дистрибуция маркеров определенности и неопределенности относительно предикатно-аргументной структуры подчиняется определенной закономерности. Ниже попытаемся на материале конкретных языковых данных выявить характер этой закономерности.

Персидский язык, также как и таджикский и дари, является аналитическо-флексивным языком. Синтаксические связи между словами в словосочетаниях и предложениях чаще всего выражаются не формами слов, а служебными словами – предлогами, послелогом *-râ*, служебными частицами, а порядок слов наряду с другими грамматическими средствами играет существенную роль в выражении связи слов в предложениях. По нашему мнению, послелог *-râ*, участвует в осуществлении синтаксической связи слов в предложении, совмещая в себе свойства служебного слова и артикля, передавая значение определенности и конкретности и тем самым являясь частью категории определенности и неопределенности. В основном выделительный (неопределенный) артикль в этих языках маркирует неизвестное неопределенное имя. Наблюдается также сильная зависимость между значением артикля и синтаксической структурой предложения – четко противопоставляются модели с выделительным артиклем, недопустимые в простом предложении, и модели с тем же артиклем, допустимые в сложном предложении с придаточным определительным. Этому вопросу посвящена большая литература, но в рамках данной статьи она не является основной.

В фундаментальной «Грамматике современного литературного персидского языка» Ю.А. Рубинчик [2001], рассматривая категорию выделенности (неопределенности и определенности), подтвердил основные положения, высказанные в ранних его трудах [Рубинчик 1959; 1960], а именно то, что «персидский язык имеет один артикль<sup>3</sup>, присоединяемый к именам существительным в разных синтаксических позициях» [Рубинчик 1959: 182].

Рассмотрим примеры из персидского языка (1), (2) и (3), верные, в том числе, для таджикского и дари языков:

- (1) *ketâb-râ be man dād* [Lambton 1976: 3–4]  
[он/она] книгу<sup>Def Dir Obj</sup> мне дал / а;  
(2) *ketab-i be man dād* [Там же]  
[он/она] книгу<sup>Indef Dir Obj</sup> мне дал / а;  
(3) *ketâb-∅ be man dād* [Там же]  
[он/она] книгу ∅<sup>Dir Obj</sup> мне дал/а.

Приведенные примеры представляют несколько упрощенную, но очень точную парадигму соотношения послелога/артикля *-râ* и выделительного артикля *-î*, выступающих

<sup>3</sup> Особенность, и даже некоторая размытость значения/функции артикля в персидском, позволяло некоторым исследователям делать вывод, что в персидском есть два артикля, сходные по форме, но разные по значению.

в данном случае маркерами пациенса (прямого дополнения). Более того, в данную парадигму вписывается также нулевой показатель. Грамматически (1), (2) и (3) совершенно корректные и четко противопоставляются по признаку определенности (1) и неопределенности (2). С одной стороны, оппозиция определенного прямого дополнения и неопределенного прямого дополнения является семантически релевантной ( $\bar{i} - \emptyset$ ,  $r\bar{a} - \emptyset$ ). С другой стороны, такое противопоставление релевантно исключительно в позиции прямого дополнения.

Ю.А. Рубинчик совершенно справедливо отмечает, что функция, выполняемая артиклем в персидском, может быть сравнима с функцией падежной флексии, а конкретное грамматическое значение имени существительного с артиклем, как и значение той или иной падежной формы имени существительного, раскрывается наиболее полно не в масштабе отдельного слова, а при употреблении в предложении [Рубинчик 2001: 199]. Функция послелога *-rā* в персидском во многом сходна с вторичными падежными показателями в гилянском, белуджском. Падежные показатели и послелог *-ra* в рассматриваемых современных иранских языках отражают отношения топика и фокуса, субъекта и объекта(-ов): если прямое дополнение является определенным, то оно маркируется маркерами определенности.

Выделительный (неопределенный) артикль *-i* функционирует также в белуджском и гилянском языках. В белуджском выделительный артикль получил сравнительно более широкое распространение, чем в гилянском, в котором употребление неопределенного артикля *-i* отмечается, в основном, в персидских словах [Расторгуева, Эдельман 1982: 182]. Важно отметить, что наряду с постпозитивным неопределенным артиклем, в гилянском языке сформировался препозитивный показатель неопределенности (числительное «один» с нумеративом *-ta*) *itta/ita > i-ta*, который при обозначении неопределенности предмета имеет значение «один какой-то, какой-то». Например, *ita ma'īzā tāzā vabostā* – какой-то магазин только что открылся [Гилянский язык 1971: 56].

В современном персидском, и соответственно в таджикском и дари, функции послелога значительно сузились. Так, например, при косвенном дополнении послелог *-rā* встречается преимущественно в языке поэзии (в архаизированном, «высоком» стиле), а также в языке фольклора. Он употребляется преимущественно при обозначении прямого объекта при переходных глаголах, причем конкретного, определенного.

- (4) *rūznāme-rā* *xāndām* (перс.) [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982: 200]

газету<sup>Ra</sup> (ту, определенную) прочитал [я];

- (5) *sanak kitāb-rā* *xānd* (дари) [Дорофеева 1960: 34]

Санак книгу<sup>Ra</sup> прочитал;

- (6) *nān-rā* *biyār* (дари) [Там же]

хлеб<sup>Ra</sup> принеси (дари).

Однако прямой объект не всегда оформляется послелогом, а лишь в случае, если речь идет о вполне конкретном, известном или ранее упоминавшемся предмете. Когда речь идет о предмете вообще, как о представителе всего вида, класса, прямой объект не получает никакого оформления.

- (7) *mān* *rūznāme* *mīxānām* (перс.) [Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982: 201]

я газету $\emptyset$  (а не книгу, письмо и т.д.) читаю;

- (8) *nān* *biyār* (дари) [Там же]

хлеба $\emptyset$  принеси.

Отсюда следует, что непосредственной связи между послелогом *-rā* и переходностью/непереходностью глагола не существует. Более очевидна связь с категорией определенности. Вследствие грамматикализации, приобретая статус послелога (в персидском, таджикском и дари) и падежного форманта (белуджском и гилянском), главной

синтаксической функцией послелога *-rā* стало обозначение прямого дополнения с семантикой известности, конкретности и определенности.

Если при употреблении имен нарицательных у говорящего есть выбор, который зависит от сообщаемой информации, то при прямом дополнении, выраженном именем собственным, местоимением или именем с энклитикой, употребление послелога *-rā* является облигаторным.

- (9) *Bahrām-rā* *nejat dad* (перс.) [Рубинчик 2001: 324]  
Бахрама<sup>Ra</sup> спас(ла) (он/она).

Язык дари и некоторые диалекты таджикского языка (например, рогский говор) более консервативны, чем литературный персидский и таджикский, сохранив более широкий спектр функций.

а. Послелог *-rā* ставится при существительном, обозначающем адресат действия особенно при глаголах *dādan* дать и *gufan* сказать:

- (10) *māmā* *zāy-rā* *nān* *dād* (дари) [Дорофеева 1960:34]  
дядя вороне<sup>Ra</sup> хлеба дал;

- (11) *момоно-ра* *иччи чой доден?* (рогский говор таджикского языка) [Богорад 1956: 143]

гостям<sup>Ra</sup> [вы] чай дали?;

- (12) *Сангимо-ра* *бъгу хан къна* (рогский говор таджикского языка) [Там же]  
Сангимо<sup>Ra</sup> скажи, [чтобы она] помогала.

б. В дари данный послелог указывает на обладателя чего-либо при глаголах бытия, в том числе в оборотах типа «у меня есть»:

- (13) *mā-rā* *afḡānī* *yād ast* (дари) [Мошкало 1997:129]  
я<sup>Ra</sup> афганский знаю (букв. 'у меня в памяти есть').

в. Оформляет дополнение при глаголе *šudan* «случаться, происходить»:

- (14) *Begum-rā* *ič* *šudā ast* (дари) [Дорофеева 1960: 34]  
С Бегум<sup>Ra</sup> что произошло?

Как выше было отмечено, определение статуса *-rā* в современной иранистике не имеет однозначного решения, хотя основная дискуссия сосредоточилась на персидском языке. В целом, можно выделить три подхода:

1. Является средством выражения релятивных отношений наряду с предлогами, изафетной конструкцией.
2. Является послелогом, совмещающим элементы артикля.
3. Является показателем косвенного падежа.

В белуджском неопределенность передает постпозитивный энклитический артикль *-ē*. Например, *asp-ē* «одна, какая-то лошадь», *gul-ē* «один, какой-то цветок». Синтаксические отношения регулируются четырехпадежной системой склонения. В гилянском и белуджском языках определенные имена маркируются показателем косвенного падежа, такими как, например, в белуджском *-ā* или в гилянском *-a*, в то время как неопределенные имена представлены немаркированным номинативным падежом.

Прямое дополнение в белуджском обозначается показателем объектного падежа *-ā*.

- (15) *jīnik* *gulā* *aurt* [Мошкало 1991: 43]  
девушка<sup>Nom Indef</sup> цветок<sup>Objective Def</sup> (при)несла;

- (16) *jīnik* *ap* *aurt* [Там же]  
девушка<sup>Nom Indef</sup> вода<sup>Nom Indef</sup> (при)несла.

Как видно из примеров, прямое дополнение может быть маркировано падежным показателем или не маркировано. Все зависит от стратегии говорящего и прагматической цели высказывания. Если говорящий намерен донести информацию о неопределенном предмете, прямое дополнение не принимает показателя объективного падежа.

В гилянском языке есть собственный препозитивный показатель – числительное «один» с нумеративом, выступающее в функции артикля *ita/itta*. Например:

*tiləfunči ki ita duxtər bu, gušia usadə* [Расторгуева, Эдельман 1982: 506]

телефонистка, которая одна девушка была, взяла трубку.

В отличие от белуджского, как и от большинства западноиранских языков (и диалектов), в гилянском постпозитивный показатель неопределенности (выделительности) *-i* отмечается в основном в словах, заимствованных из персидского языка.

Различие в морфологическом оформлении имен, выражающих определенный и неопределенные предметы, заключается в первую очередь в том, что в функции прямого дополнения первые принимают показатель винительно-дательного падежа, вторые выступают без него, т.е. в виде чистой основы, совпадающей с именительным падежом.

Синтаксические отношения в гилянском регулируются системой категории падежа агглютинативного типа. Падежная система гилянского языка представлена именительным падежом и двумя косвенными формами, которые условно называют винительно-дательным и родительным [Расторгуева, Эдельман 1982; Расторгуева 1999]. Именительный падеж в единственном числе выступает в виде чистой основы (показатель мн. числа *-on, -ān*), показатель вин.-дат. падежа *-a*.

Именительный падеж представлен основой имени, как в единственном, так и во множественном числе. Имя существительное в именительном падеже выступает в функции подлежащего:

(17) *duxtərān və pəsərān* *rəʃ bukudidi* [Расторгуева, Эдельман 1982: 503]  
девушки и юноши<sup>Agenc Nom Indef</sup> танцевали.

Имя существительное в функции прямого дополнения, если оно не выражает определенного предмета:

(18) *yek sâāt vəxt* *fadidi* (гил.) [Расторгуева, Эдельман 1982: 503]  
один час времени<sup>Nom Patience Indef</sup> дают.

Среди других функций винительно-дательного падежа, отметим функцию обозначения прямого дополнения. Прямое дополнение, если имеется в виду определенный предмет:

(19) *semavə-ra* *âtəʃ bukun* (гил.) [Расторгуева, Эдельман 1982: 504]  
самовар<sup>Ra Obl Def</sup> разожги

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно вывести следующие правила, одинаково релевантные для рассмотренных языков.

Подлежащее (субъект, агенс) (как правило, имя нарицательное) обычно не маркирован специальной грамматической морфемой, но маркирован местом в предложении.

Прямое дополнение (объект, пациенс) маркировано облигаторно грамматическим маркером/спецификатором типа показателя объектного/непрямого падежа (белуджский, гилянский) и/или послелогом *-rā*. Несмотря на то, что обозначение определенности не является основной функцией падежных показателей, тем не менее эти маркеры в

то же время семантически тесно связаны со значением определенности. Прямое дополнение может маркироваться нулевым маркером (3), (8), (16).

Грамматическое и семантическое значение определенности становится релевантным для аргументно-предикативной структуры и их корреляции в тексте для рассмотренных западноиранских языков, несмотря на то, что в этих языках синтаксические отношения регулируются различными грамматическими способами (категория падежа, послелог *-rā*).

Очевидным объяснением является наличие общего генетического источника (\**rādi*) формирования падежных показателей в гилянском и белуджском, с одной стороны, и послелога *-rā* в персидском (дари и таджикском), что стало основой функционального сходства между этими элементами для передачи грамматических связей в предложении. Прямой объект/пациент в языках с категорией падежа имеет две стратегии поведения: стратегия номинативного падежа и стратегия объектного падежа. Стратегия употребления послелога *-rā* также находится в сильной зависимости от контекста, коммуникативной цели и семантики имени существительного.

Таким образом, аргументно-предикатная структура предложения, в силу особенностей грамем, оформляющих соответствующие значения, тесно связана с семантическим и прагматическим параметрами текста.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богорад 1956 – Ю.А. Богорад. Рогские говоры таджикского языка // Труды Института языкознания. Т. V. М., 1956.
- Гилянский язык 1971 – Гилянский язык. М., 1971.
- Дорофеева 1960 – Л.Н. Дорофеева. Язык фарси-кабули. М., 1960.
- Ефимов, Расторгуева, Шарова 1982 – В.А. Ефимов, В.С. Расторгуева, Е.Н. Шарова. Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Мошкало 1991 – В.В. Мошкало. Белуджский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. М., 1991.
- Мошкало 1997 – В.В. Мошкало. Персидский язык; Дари язык // Языки мира. I. Иранские языки. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Мошкало 1999 – В.В. Мошкало. Белуджский язык // Языки мира. II. Иранские языки. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева 1999 – В.С. Расторгуева. Гилянский язык // Языки мира. II. Иранские языки. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева, Эдельман 1982 – В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Рубинчик 1959 – Ю.А. Рубинчик. Сложные предложения с придаточным определительным в современном персидском языке. М., 1959.
- Рубинчик 1960 – Ю.А. Рубинчик. Современный персидский язык. М., 1960.
- Рубинчик 2001 – Ю.А. Рубинчик. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Collinson 1937 – W.E. Collinson. Indication. A study of demonstratives, articles and «Indicators» // Language monograph. 17. Baltimore, 1937.
- Lambton 1976 – Ann K.S. Lambton. Persian grammar. Cambridge, 1976.